

Канукова Залина Владимировна, Махчиева Нина Сергеевна

ТАТАРЫ В ОСЕТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СОВРЕМЕННЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

В статье ставится проблема диаспорных групп, актуализировавшаяся в России в условиях постсоветской реальности. Объектом исследования является этническая группа татар в Осетии. Рассматриваются история появления, адаптационные процессы, формирование диаспорной инфраструктуры, поведенческие стратегии. Сделан вывод о сходности механизмов реализации этнической идентичности во внутренних и внешних диаспорах, в частности у татар и зарубежных диаспорных групп.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 103-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ASEAN STATES AND RUSSIA'S ROLE AS REGIONAL SECURITY GUARANTOR

Kamlaitong Adul

St. Petersburg State University
adulklm@hotmail.com

Russia's foreign policy focuses at ASEAN countries because they support Russia's role in Asia Pacific and Southeast Asia regions. For ASEAN states Russia is the guarantor of regional security, especially in its role of powers balance equalizer and the counterweight of The United States and The People's Republic of China. The author substantiates the point of view that Russia does not use all its political potential as an important partner and security guarantor for ASEAN countries due to the contradictions between the PRC and other countries of the region.

Key words and phrases: regional security; Association of Southeast Asian Nations (ASEAN); ASEAN Regional Forum (ARF); Asia-Europe Meeting (ASEM); East Asia Summit (EAST); balance of powers; Russia's foreign policy.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье ставится проблема диаспорных групп, актуализировавшаяся в России в условиях постсоветской реальности. Объектом исследования является этническая группа татар в Осетии. Рассматриваются история появления, адаптационные процессы, формирование диаспорной инфраструктуры, поведенческие стратегии. Сделан вывод о сходности механизмов реализации этнической идентичности во внутренних и внешних диаспорах, в частности у татар и зарубежных диаспорных групп.

Ключевые слова и фразы: полиэтничность; внешние и внутренние диаспоры; инокультурное окружение; адаптация; механизмы внутриэтнической консолидации; суннизм; поведенческие стратегии; возрождение этнических традиций.

Канукова Залина Владимировна, д.и.н., профессор

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН
z.kanikova@mail.ru

Махчиева Нина Сергеевна, д.и.н., доцент

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова
z.kanikova@mail.ru

**ТАТАРЫ В ОСЕТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ[©]**

В результате миграционной политики Российской империи, войн, экономических кризисов и других причин на Северном Кавказе со второй половины XIX века стали формироваться диаспоры армян, грузин, евреев, немцев, греков, поляков, татар, азербайджанцев, персов и некоторых других народов. В этнокультурном пространстве Осетии они становились заметным явлением, поскольку занимали ведущие позиции в этническом предпринимательстве, успешно справлялись с адаптационными и интеграционными процессами, вырабатывали свою модель жизнеустройства, этнодиаспорную идентичность. Это позволило диаспорным группам сохраняться в условиях различных политических режимов, избегать серьезных межнациональных столкновений и в настоящее время восстанавливать свою традиционную культуру.

Большая часть исследователей выделяет в качестве главного признака диаспоры самоорганизацию. Так, В. А. Тишков, внесший весомый вклад в теорию диаспоры, указывает, что «...диаспора – это культурно-отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, и нет диаспоры...» [10, с. 42]. С. В. Стрельченко также уточняет, что «диаспорой является лишь меньшинство, обладающее институтами внутренней консолидации» [6, с. 65]. Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова особо подчеркивают такой признак диаспоры как внутренняя способность к самоорганизации, которая позволяет функционировать длительное время, оставаясь при этом относительно самостоятельным организмом. «Нельзя отнести к диаспоре любую группу лиц определенной национальности, если у них нет внутреннего импульса и потребности к самосохранению» [11, с. 36].

Исследование диаспорных групп в Осетии привело одного из авторов настоящей статьи к следующему определению: «Диаспора – это часть этноса, которая проживает вне своей исторической родины или территории

обитания основного этнического массива, сохраняет этническое самосознание, культурную самобытность и создает в ходе адаптации к принимающему обществу диаспорную инфраструктуру, т.е. совокупность конфессиональных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных учреждений и хозяйственных объединений (мононациональных ремесленных цехов, торговых компаний и пр.)» [1, с. 4]. Кроме своих непосредственных задач, указанные организации выполняют функцию внутриаэтнической консолидации. Они обеспечивают синергетические механизмы жизнеустройства, посредством которых складывается и манифестируется особый стиль жизненного поведения.

Общепризнанными являются такие диаспорообразующие признаки как этническая идентичность, представление об общей родине, стремление сохранить этническую и культурную самобытность [14, с. 217-218; 15, с. 211-213]. К числу спорных вопросов относится выделение такого признака диаспоры как иностранное происхождение, т.е. отнесение к диаспоре только населения, прибывшего из другого государства.

Формальность такого признака проявляется со всей очевидностью при рассмотрении этнической группы татар, которая, несмотря на российское происхождение, выработывала такие же формы адаптации к инокультурному окружению, как и зарубежные диаспоры армян, грузин, евреев, немцев, персов и других групп.

В этой связи важно отметить, что в Осетии диаспоры были разными по численности, социальному составу, по степени сохранности этнической идентичности, по уровню инкорпорации в хозяйство и общественно-культурную среду принимающего общества. Однако механизм структурирования всех диаспорных групп, в том числе татар, был одинаковым.

Владикавказская татарская община формировалась в ходе общей колонизации Северного Кавказа. Начало ее истории было положено этнической группой пензенских татар-мишарей, выходцев из Волго-Окского междуречья Мещерской низменности. В 1882 году их насчитывалось около 320 человек [12, д. 201, л. 1]. По материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 года в город Владикавказ из Пензенской губернии прибыло 676 человек, из Казанской – 108 человек [3, с. 150-154].

Во второй половине XIX века татары входили в состав России, но Осетия для них была инокультурной средой, где они выстраивали свою стратегию адаптации и интеграции в новое пространство. Как и другие диаспоры, они сохраняли этнокультурную идентичность и ощущали «свою инакость в окружающем социуме» [2, с. 9].

В подобной культурно-исторической ситуации определяющими являются свойства и признаки, удачно обозначенные В. А. Тишковым как «ощущение и поведение» [10, с. 33-58].

Диаспорность татар проявилась в сплоченности и самоорганизации: строительстве своего храма – суннитской мечети во Владикавказе, школы, детского сада, в создании благотворительного общества, культурно-просветительских организаций, в наличии «татарской» ниши в городской экономике, татарского кладбища с небольшой мечетью, сохранности традиционных форм неформального общения и др.

Исторический опыт диаспор в Осетии, независимо от их конфессиональной принадлежности, подтверждает, что строительство своего религиозного храма было обязательным событием в ходе адаптационного процесса и дальнейшего этнокультурного развития. Вокруг храма появлялись первые национальные школы, призванные осуществлять, наряду с образованием, межпоколенную трансляцию этноконфессиональных традиций. Храм, как главный элемент диаспорной инфраструктуры, был связующим звеном с родиной. Религиозно-культурные, образовательные, культурно-просветительские, благотворительные, хозяйственно-экономические элементы диаспоры были взаимосвязаны между собой общей идеей жизнеустройства в инокультурной среде, составляли целостное единство и обеспечивали члену диаспоры гармоничное состояние и этнопсихологический комфорт.

Вопрос о строительстве татарской (суннитской) мечети впервые был поднят в феврале 1863 года, когда татары-военные обратились к командиру Кавказского линейного батальона с просьбой разрешить им построить мечеть и выбрать из своей среды муллу. Они получили отказ, мотивированный отсутствием средств на постройку, а также наличием выделенного им помещения для молитв. С этого времени начинается длительная переписка с начальством Терской области, муфтием Закавказского края, Его Императорским Высочеством Наместником Кавказским и Великим князем Михаилом Николаевичем. В апреле 1900 года в Терское областное правление было подано очередное прошение «уполномоченных от общества магометан-суннитов, жительствоющих в городе Владикавказ» о разрешении строительства мечети на собственные средства мусульман-суннитов. С апреля по декабрь 1900 года велась переписка между Терским областным правлением, Владикавказской духовной консисторией, Владикавказской городской полицией и обществом мусульман-суннитов. В результате Владикавказская духовная консистория сообщила в Терское областное правление, что «на построение в г. Владикавказ магометанами-кумыками и казанскими татарами мечети препятствий не имеется» [13, д. 325, л. 1].

Татарская версия строительства мечети сводится к следующему: проект мечети из Стамбула привез С. Радимкулов. На призыв собрать деньги откликнулись только татары и 15 семейств кумыков, из которых четыре человека, в том числе городской врач М. М. Далгат и горный инженер Омаров, вошли в состав оргкомитета. От 60-ти татарских семейств в оргкомитет вошли три человека – С. Радимкулов, отставной чиновник Л. Треуглов и мещанин С. Б. Якубов. Брат последнего, М. Б. Якубов, будучи муфтием мечети Аль-София в Стамбуле, представил татарам проект мечети, даровал Коран в кожаном золоченом переплете и прислал двух специалистов: архитектора и орнаменталиста. В 1902 году были возведены два минарета и купол мечети, но оставались незавершенными объекты – минарет и помещение омывальной, не были позолочены месяцы на минаретах и изречения из Корана на стенах. Татары урезали проект за счет дворовых построек и к 1907 году придали мечети относительно завершенный вид [Там же, л. 4].

Татарская община внесла весомый вклад в строительство мечети. Она стояла у истоков переговорного процесса с различными инстанциями, проводила сбор денег, в котором приняли участие татары из Пензы и Казани. Это признавала и местная пресса, отмечавшая, что «в постройке мечети большую помощь оказала местная колония казанских татар, которых здесь порядочное число» [9]. Не вызывает сомнения и весомый материальный вклад известного азербайджанского нефтепромышленника М. Мухтарова, который завершил строительство и внутреннее оформление мечети в честь своей супруги, осетинки Лизы Тугановой.

Интересно отметить, что когда к суннитской мечети были «приписаны» другие сунниты – кумыки, осетины и ингуши, татары отказались ее посещать и поставили вопрос о строительстве новой мечети. Они ходатайствовали перед Наместником Кавказа о разрешении учредить при суннитской мечети самостоятельный приход со своим муллой. Это ходатайство было отклонено. В администрации Наместника Кавказа решили, что «допущение при одной мечети двух приходов со своими муллами противоречит основам магометанства и может привести к разного рода недоразумениям» [13, д. 325, л. 9]. В декабре 1908 года, когда шафиит Юсуф Муркиленский был утвержден в должности муллы Владикавказской суннитской мечети, разгорелся конфликт. Татары потребовали образования своего прихода и отдельного молельного дома.

Как известно, в суннизме выделяются четыре религиозно-правовые школы – ханифитская, шафиитская, маликитская и ханбалитская. Для них характерны незначительные различия в культовой практике. Вопрос о правомерности молитвы мусульманина одного толка под руководством имама другого толка до сих пор дискутируется в исламских регионах. Ханифиты, к которым относятся татары, считают свой масхаб (толк) самым высоким в некоей «иерархии» масхабов и обосновывают необходимость совершать молитву только за имамом – ханифитом. Шафииты же считают их «плохими» мусульманами и верят, что их молитва будет угодна аллаху только в том случае, если она совершена за имамом-шафиитом. Как правило, такие различия актуализируются в случаях их увязывания с этнической принадлежностью представителей разных толков.

Периодически возникали споры по разделу мечетского имущества, по поводу реестровых книг. Для разрешения конфликтных ситуаций потребовалось вмешательство Областного правления Терской области и Сената. В результате татарам было разрешено образовать самостоятельный приход при особом молитвенном доме с отдельным муллой – С. Хамзиным, который получил право на отдельные регистрационные книги и печать.

В 1913 году уполномоченные от общества казанских татар обратились в Городскую Думу с просьбой выделить им участок земли для постройки мусульманской школы и временного молитвенного дома [9]. Татары просили, чтобы новая мечеть и школа были их собственностью. Городская Дума отвела обществу участок в 400 кв. саженей на углу Степной и Нальчинской улиц. «Намереваясь приступить к заготовке строительных материалов, представители казанских мусульман обратились с просьбой в горуправу о выдаче им разрешения на огорожение этого участка и заключении с ними договора о праве владения землей» [7].

В 1915 году в газете «Приазовский край» появилась заметка «Проезжего», в которой он отмечал, что красивейшее здание мечети пустует, чахнет из-за споров горожан. Татары предлагали хотя бы поочередно назначать главного муллу, совершающего пятничную молитву, но другие мусульмане отказывались. «Казанцы обиделись и перестали вовсе посещать новую мечеть. Так они бойкотируют ее и по сей день» [4].

В 1916 году поступило распоряжение Сената: «Казанским татарам, как первым основателям Владикавказского суннитского прихода, иметь при Суннитской мечети самостоятельно избранного муллу, который пользовался бы одинаковыми правами с муллой, избранным местным населением» [13, д. 325, л. 3]. В марте того же года был утвержден проект новой татарской мечети и школы в 3-ей части города, но он не был реализован.

Сегодня татары не помнят историю этого конфликта, которая стала нам известна только по архивным документам и материалам местной прессы. Представляется, что мотивом их действий была не приверженность к ханифитскому толку ислама, а стремление к этническому самовыражению, желание иметь свой национальный храм, свою обитель в иноэтничном окружении, фундамент диаспорной инфраструктуры. При мечети функционировала татарская начальная школа, велось гражданское делопроизводство прихожан (фиксировались рождение, смерть, бракосочетание).

Диаспорная инфраструктура татар включала также театральные кружки – популярный во Владикавказе институт общественно-культурной среды, выполнявший функцию внутриэтнической коммуникации. Такие кружки удовлетворяли потребности людей в земляческом общении, способствовали развитию национальной культуры. В 1908 году впервые были поставлены, а затем проводились ежегодно постановки пьесы «Старая Турция», оперетты З. Гарин-Бекова «50-летний юноша» и др. Позднее было создано театральное общество татар, кассовые сборы от которого использовались для нужд татарского детского сада. В 1920 году во Владикавказе, по инициативе Диялфруз Хамзиной, дочери последнего муллы суннитской мечети Сингатуллы Хамзина, был создан один из первых детских садов в республике.

Важно отметить, что татары создали в Осетии такие же структуры, какие были созданы зарубежными диаспорными группами, а именно армянской, грузинской, немецкой, еврейской, польской, персидской, греческой и др. Они показали единую модель жизнеустройства и поведенческих стратегий, направленную на сохранение и адаптацию к новой среде.

Более того, татары, как и другие этнические группы, сохраняли свою идентичность и в годы советской власти, не имея организованных форм коммуникации, а в 1990 году они создали Татарский национально-культурный центр имени Габдуллы Тукая. На первой учредительной конференции присутствовали 200 делегатов от 2000 татар, проживающих в Осетии.

В современных условиях все диаспорные группы демонстрируют способность к самообновлению, к собственной пространственно-временной организации, что выражается, прежде всего, в восстановлении диаспорной структуры. Все «старые» диаспоры создали национально-культурные центры, которые объединены в общественное движение «Наша Осетия». Они восстановили свои храмы, благотворительные и национально-культурные общества, национальные и воскресные школы, ставят и решают проблемы изучения родного языка, создают ансамбли национального танца и песни, проводят совместные фестивали, конференции, возрождают обрядово-праздничную культуру, изучают свои корни, занимаются благотворительностью, восстанавливают утраченные контакты с родиной.

Представители татарского общества участвовали в работе Всемирных конгрессов татар в городе Казани, в праздновании тысячелетия Казани в 2005 году. Был заключен Договор между обществом и мэрией города Казани о культурном сотрудничестве. Общество местных татар получает из Казани учебники, тексты татарского фольклора и литературы на электронных носителях, компакт-диски с национальной музыкой и песнями. В сентябре 1997 года во Владикавказе побывала делегация из Казани, во главе с мэром города Камилом Исхаковым, с целью обмена опытом работы администраций двух городов. Был подписан договор между городами «О принципах сотрудничества в экономической, научно-технической и культурной областях» [5]. Татары проявили важнейший диаспоральный признак – стремление установить связь с исторической родиной.

Таким образом, анализ поведенческих стратегий татар и их сопоставление с таковыми у других диаспорных групп дают основание считать механизмы реализации этнической идентичности общими для внешних и внутренних диаспор. Вполне продуктивным в этой связи следует признать предложение ряда авторов «примирить» два подхода: делить диаспоры на внутренние – проживающие в пределах одного государства, но в иноэтничной среде, и внешние – проживающие за пределами государства – родины этноса.

Список литературы

1. **Канукова З. В.** Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 236 с.
2. **Левин З. И.** Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. 176 с.
3. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область.** СПб., 1905. Т. 68. 194 с.
4. **Приазовский край.** 1915. 16 мая.
5. **Северная Осетия.** 1997. 19 сентября.
6. **Стрельченко С. В.** Диаспора как субъект социально-экономических процессов (социально-философский анализ наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) // Энергия. 2006. № 7. С. 65-68.
7. **Терская жизнь.** 1914. 19 мая.
8. **Терские ведомости.** 1908. 21 марта.
9. **Терские ведомости.** 1913. 28 февраля.
10. **Тишков В. А.** Единство в многообразии. Оренбург, 2008. 184 с.
11. **Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И.** Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33-42.
12. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А).** Ф. 11. Оп. 62.
13. **ЦГА РСО-А.** Ф. 12. Оп. 2.
14. **Шнайдер В. Г.** Этнокультурная община в городских условиях: опыт локально-исторического исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 217-218.
15. **Янгирова С. М.** Механизмы взаимодействия субъективного и объективного в реализации адаптационного ресурса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 211-213.

THE TATARS IN OSSETIA: HISTORICAL ROOTS AND MODERN LIFE STRATEGIES

Kanukova Zalina Vladimirovna, Doctor in History, Professor
North-Ossetian Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev
of Vladikavkaz Scientific Center of Russian Academy of Sciences
z.kanukova@mail.ru

Makhtsieva Nina Sergeevna, Doctor in History, Associate Professor
North-Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
z.kanukova@mail.ru

The authors raise the problem of diaspora groups, actualized in Russia under the conditions of the post-soviet reality, as the research object define the ethnic group of the Tatars in Ossetia, consider its appearance history, adaptation processes, diaspora infrastructure formation, behavior strategies, and make a conclusion about ethnic identity realization mechanisms similarity in internal and external diasporas, in particular, the Tatars' and of foreign diaspora groups.

Key words and phrases: poly-ethnicity; external and internal diasporas; foreign cultural environment; adaptation; intra-ethnic consolidation mechanisms; Sunnism; behavior strategies; ethnic traditions revival.